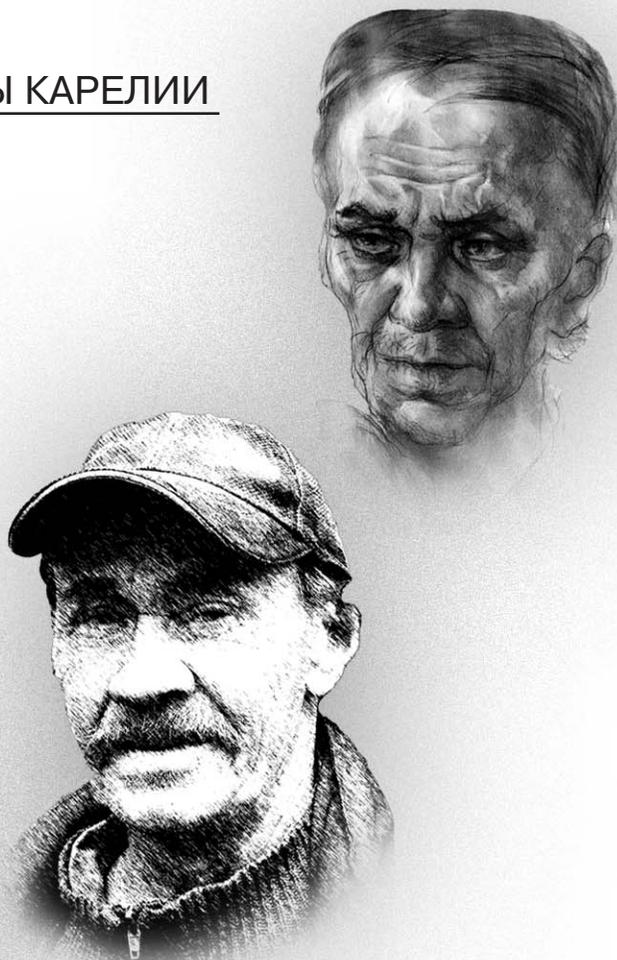


Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

ВСЕЧЕЛОВЕК ВАСИЛИЙ ФИРСОВ

(К 60-летию сказочника
Василия Фирсова)



Когда бы явление и сущность совпадали!
Когда бы форма всегда соответствовала содержанию!

Не было бы тогда в мире никаких тайн. И отсутствовал бы всякий стимул к познанию.

Вася Фирсов в явлении – типичный доходяга. А в сущности – гений.

Подойди к нему формально – запущенный бобыль; а взгляни содержательно – царственный мастер.

Бездонен Вася Фирсов. Не одно поколение будет делать промеры, пытаясь разгадать его неизъяснимую тайну.

Сегодня возможны только условные приближения.

Земляк Николая Клюева, Василий Фирсов дышал тем же воздухом, что и великий поэт. Несомненно, что их питал один *Genius loci* – унисонов между ними много. Вот замечательная параллель: оба рано попали в городскую среду – однако некая мистическая пуповина до конца дней продолжала их связывать с родной деревенской почвой.

Вытегорское детство много дало Васе Фирсову.

Но вот принципиальный вопрос: сводимо ли несметное языковое богатство, которым он владел, к ранним впечатлениям?

Тут брезжит огромная загадка.

Глубоко убеждён, что через Василия Фирсова говорила родовая память – в его феномене много априорного, не связанного с личным опытом. Но разве наследуются языковые структуры? Нам внушают: это приобретённое – совсем не врождённое.

Ах, так ли?

Меня ошеломило недавнее открытие генетиков: оказывается, у человека имеется наследственная склонность к материализму или идеализму – роль воспитания тут вторична. Речь идёт о выборе модели мира! Это нешуточно – это фундаментально.

Вспомним мысли великих философов XX века о языке.

Л. Витгенштейн: «Границы моего языка определяют границы моего мира».

М. Хайдеггер: «Язык – дом бытия».

Если наследуется мироощущение, то язык – его важнейший детерминатор и строитель – вполне может иметь генные предпосылки. Конечно, мы не получаем в готовом виде толковый словарь или правила синтаксиса, но нельзя исключить, что какие-то исходные матрицы языкообразования кодируются на уровне ДНК.

Василий Фирсов мне видится носителем таких матриц. У большинства они стёрты – у Васи были активизированы. К нему вполне применимо платоновское понятие *анамнесиса* – оно означает припоминание реальных, находящихся за пределами нашей жизни. У Платона – в вечности! Думается, что генетика найдёт ключ к пониманию этого феномена – мифологическое понятие получит вполне рациональное наполнение.

Сквозь индивидуальную память Василия Фирсова отчётливо просматривается надличностная *прапамять*. Без высокопарности: его устами говорил народ – вещала соборная душа Русского Севера.

Василий Фирсов был доподлинным скоморохом. Вне роли – без грима – натурально.

Загадочное племя! Преследуемое из века в век, именно оно сохранило былины. И многое другое: заговоры, загадки, песни. Поэзия направляет генезис языка – творит язык. Скоморохи были поэтами. Василий Фирсов – их восприимчивый.

Он поэт.

Поэт прежде всего.

Поэт до мозга костей!

Прозаическая транскрипция фирсовских сказок не должна вводить в заблуждение. Часто это творчески преломленный раёшный стих. Гениальная придумка скоморохов, он предвосхищает авангардные искания – даёт широчайшие возможности для языковой игры. На этой стезе Василий Фирсов был абсолютным виртуозом. Вот начало одной из его сказок:

Было однажды: дядя Филат подарил нам пару утят – вон, говорит, летят, берите да меня благодарите.

Брали мы, брали, пока утята за лесом не пропали, приходим к дяде Филату, говорим:

– Спасибо, дядя Филат, за подарок. Ты нам утят, а мы тебе рыбы ушат, возьмёшь ли?

Отменное словесное изделие! Рифмы цепляют друг друга как точёные шестерёнки – вращательный момент передаётся от слова к слову – будто мы глядим в мерцающее нутро золотых часиков.

Озоруя, созвучья пробегают искрами по сказкам Василия Фирсова – отсверкивают то здесь, то там. Словно ёлочные гирлянды – с прихотливым ритмом включения – наложились на сюжетные линии. Ошеломительную цепную реакцию рифм мы находим в сказке «Царский счёт». Надо исчислить 41 душу. А получается 40. Царь Пётр вынужден самолично делать ревизию. Каждое имя отщёлкивает созвучьем:

– Макар – третий удар...

– Дед Филарет я, только с печи...

– Только с печи – четвёртый раз получи...

В конце выясняется, что сорок первый – старшой – не включал себя в счёт. Ситуация абсурдистская! Она весьма характерна для сказок Василия Фирсова.

Тут завязывается серьёзнейшая проблематика.

Парадоксы Василия Фирсова, его нонсенсы: на них лежит печать абсолютного своеобразия. Печать эта как бы двуслойная: что-то идёт от личности автора – что-то задаётся эпохой.

Искусство всегда *остраняло* мир.

Предельную концентрацию *остранения* нам являет русская *небылица* или *небывальщина*. Мастером этого жанра была Мария Дмитриевна Кривополенова. Она с реки Пинега. Там гонимые скоморохи нашли прибежище. Великая бы-

лина «Вавило и скоморохи» известна только в записях от М.Д. Кривополеновой. Вася Фирсов легко мог бы присоседиться к героям этой старины.

Вот небылица М.Д. Кривополеновой:

*Как овца в гнезде да яйцо садит,
По поднебесью да сер медведь летит.*

А это Василий Фирсов:

*Жила-была в Киндасове корова, на рога здорова,
снесла корова яйцо, из яйца вылупилась овца,
захрюкала-запела, на забор села, стала
лягаться, рогом ковыряться.*

Сказки Василия Фирсова часто похожи на развёрнутые, сюжетно выстроенные небылицы. Взаимопроникание жанров здесь наверняка имело место. Филологам есть над чем подумать. Отталкиваясь от наработок народа, Василий Фирсов лепил новые формы, создавал новую поэтику.

Киндасовцы малость того.

Действуют они – скажем по-научному – не всегда адекватно.

То ныряют за собственными отражениями, то самоотверженно подпирают небо. А вот ещё уникальное занятие: *«посеяли дыры – выросли затычки; дыры заткнули, что осталось – в амбары замкнули»*.

Абсурдизм ситуаций достигает у Василия Фирсова максимума. Это важно отметить. Небылицы переворачивают смыслы – завязывают головоломные логические узлы – заманивают нас в безнадёжные семантические лабиринты. На этом попроще Василий Фирсов преуспел больше всех. Тут много карнавального. Или циркового. Это своего рода эквилибристика. Так вот: Василий Фирсов в этом искусстве не знает себе равных – игровая дурость у него зашкаливает.

Хорошо, что человек условно дурачится в искусстве – это помогает ему оставаться человеком.

Хорошо, что есть природные дураки – Бог их любит больше умников.

Ноосфера без дурости была бы скучной и пресной.

Василий Фирсов наводит на мысль, что это качество эволюционирует – в нём появляются новые обертона.

Дурость киндасовцев феноменальна. И крайне самобытна. Хорошо бы это обосновать в сравнительном анализе. Вот некоторые его аспекты.

Мнимая дурашливость юродивых? Под нею залегает потаённая мудрость. Да не человеческая, а божественная. К нашим киндасовцам это заведомо не подходит.

Вспомним Ивана-дурака? Ну да, часто он становился посмешищем. Однако мешок с песком, взятый им по дурости вместо мешка с серебром, осчастливил героя. Тогда как киндасовцы удачи от своей глупости обычно не имеют. Емеля-дурак тоже не годится для сравнения. А.Д.Синявский подчёркивает, что он очень выразительно – и это по существу для него главный план – *«выступает в роли фокусника»*. Но воспринимается как чудодей. Много разного мог делать по щучьему веленью! Ничего подобного у киндасовцев мы выявить не можем.

Знаменитые пошехонские дураки? Уж очень они простоваты рядом с киндасовцами. Тем не менее определённое сходство нельзя не отметить. Лучше всех этот типаж знал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Послушаем его: *«Совсем он не дурак, да только подлых мыслей у него нет – от этого он к жизни приспособиться не может»*.

Дурость киндасовцев добрая, безобидная.

Я бы сказал – безоружная!

Три разбойника решают, что делать с киндасовским мужиком – зарезать, утопить, повесить? Мужик им говорит: *«делайте, люди добрые, как лучше»*.

Гениально!

Это Евангелие от Киндасово.



Мужик был с миром отпущен.

Киндасовская дурасть бурлескна – феерична – блистательна. В ней столько изыска! Отсюда – перлы. Игровое ускорение заносит Василия Фирсова за все барьеры. Он выходит в свободный полёт – и достигает полной раскованности. Сказка складывается сама собой – виражи в ней делаются всё круче – парадоксальность её нарастает лавиной. Не найдёте закидонистей!

Нам кажется, что ключ к дурасти киндасовцев даёт Иммануил Кант – конкретно его знаменитая «Критика способности суждения».

Что это за способность?

Смекалка! То есть умение применить общее правило, вдолблённое в школе, к единичным обстоятельствам. И. Кант пишет: «Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка лекарства нет».

Увы, дела с этой способностью у киндасовцев обстоят из рук вон плохо – и тут ничего не поделаешь. Надо смириться!

Интересно, что киндасовцы воспринимают ум как своего рода субстанцию – и сознают её дефицит. Вот положил мужик шапку перед собой – хочет, чтобы ума ему подбросили. Прохожие оказались щедрыми. А толку что? Заёмный ум так и не удалось пустить в дело.

У глупости есть огромный позитив. Она является неизбежным источником смеха. Поумней киндасовцы – и мы много потеряем. Здесь нет и тени дискриминации. Ведь киндасовцы легендарны.

Наследие Василия Фирсова разнообразно. Вот необычайный пласт: пересказы Джованни Боккаччо и Ганса Сакса, сделанные Василием Фирсовым по инициативе Дмитрия Москина. На первых порах меня насторожил этот рискованный эксперимент. Я подумал: зачем это? Не оскудел ли Вася? Однако посмотрим на результаты. Они потрясают. Перед нами великолепная русская проза. Но вместе с тем и всемирная! Оглядываться ли на ксенофобов? Ведь и столь любимая в нашем народе «Повесть о Бове Королевиче» имеет романские корни. Незабвенный А.Н. Веселовский убедительно показал, как Ойкумена отразилась в нашей словесности, несказанно обогатив её. Василий Фирсов начал работать в этом направлении, задав ему свой характерный угол – свой оригинальнейший разворот. Был замысел пропустить через него и другие источники.

Судьба распорядилась иначе.

Осталось – Слово. Оно – в Начале, оно в – Конце. Это навсегда: Слово Василия Фирсова.

*При оформлении использованы
рисунки Д. Москина*



Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.

